

Н. АШУКИН

Четки

(Стихи Анны Ахматовой)

Когда бледная и строгая монахиня перебирает за молитвой четки и сладостный молитвенный восторг сжимает ей сердце, перед древним ликом иконы она открывает всю свою душу. Сомнения, горести, разочарования — разве что-нибудь может она утаить в этот миг? Разве может солгать? Усталые пальцы перебирают четки, губы шепчут слова молитвы, и в сердце нисходит мир — тихий и ясный...

Не является ли лирика тою же правдивой молитвой поэта перед светлой музой поэзии?

Этим даром правдивости владеет Анна Ахматова, не случайно назвавшая книгу своих стихов «Четки». Поэт, как четки, перебирает все памятки своего сердца, так искренно и так волнующе-интимно говорит о них, что иногда становится чуть-чуть жутко.

В стихах Анны Ахматовой открыта душа усталая и нежная, с грустью болезненно-хрупкой, с затаенной болью разуверений, но для которой еще не пропали земные очарования:

Слишком сладко земное питье,
Слишком плотны любовные сети.

Пусть земные пути любви несут радость слишком краткую, тая в себе горечь страданий, в кроткой покорности им есть мудрость — спокойная и светлая:

Пусть камнем надгробным ляжет
На жизни моей любовь.

Любовь поможет самое страданье претворить в радость. Пусть любимый обманет опять, «настоящую нежность не спутаешь ни с чем», и поэт может говорить с убедительной радостью:

У меня есть улыбка одна.
 Так. Движенье чуть видное губ.
 Для тебя я ее берегу —
 Ведь она мне любовью дана.
 Все равно что ты наглый и злой,
 Все равно, что ты любишь других...
 Предо мной золотой аналой,
 И со мной сероглазый жених.

Эти смены радости и страданий, мечты и повседневности, — сладкое земное питье — несут всегда милое очарование новизны и тревоги. Это от них: «Каждый день по новому тревожен»...

Какой неизъяснимой печалью дышит самый ритм стихов А. Ахматовой, когда она передает свое женское, заповедно-интимное:

Прости меня, мальчик веселый,
 Что я принесла тебе смерть —
 За розы с площади круглой,
 За глупые письма твои,
 За то, что, дерзкий и смуглый,
 Мутно бледнел от любви.
 Я думала: ты нарочно —
 Как взрослые хочешь быть.
 Я думала: томно-порочных
 Нельзя, как невест, любить.

.....

Я не знала, как хрупко горло
 Под синим воротником.
 Прости меня, мальчик веселый,
 Совенок замученный мой!
 Сегодня мне из костела
 Так трудно уйти домой.

Но четками памяти измучена душа. Она бьется, как птица в клетке, в тюрьме земных дней, бьется потому, что смутно помнит о каких-то иных днях, предмирных и беспечальных. И как едва слышный вздох, как меланхолический шепот, звучат у поэта признанья:

Ты знаешь, я томлюсь в неволе
 О смерти Господа моля.

Помолись о нищей, о потерянной
 О моей живой душе...

Но в каждом без конца длящемся, тяжком дне, когда «невозможна грусть и тщетно ожиданье», чуткая душа поэта может услышать заветный зов светлых первоначальных дней:

И снова голосом серебряным олень
В зверинце говорит о северном сиянье,
И я поверила, что есть прохладный снег,
И синяя купель для тех, кто нищ и болен...

Бессонный «голос памяти» поет «песенку о вечере разлук», забыть ничего нельзя, о том, что было и ушло безвозвратно, можно только мечтать:

Стать бы снова приморской девчонкой,
Туфли на босу ногу надеть,
И закладывать косы коронкой
И взволнованным голосом петь.
Все глядеть бы на смуглые главы
Херсонесского храма с крыльца
И не знать, что от счастья и славы
Безнадежно дряхлеют сердца.

Но эта мечтательная песенка о прошлом заглушается звуками другой песни:

Долгую песню, льстивая,
О славе поет судьба.

Поэт, для которого «сладко земное питье», не может забыть и разлюбить землю; «я дрожу над каждой соринкою, над каждым словом глупца». Слишком сильно волнуют земные радости и горе. И женщина-поэт слагает о них строфы:

Как вплелась в мои темные косы
Серебристая белая прядь —
Только ты, соловей безголосый,
Эту муку сумеешь понять!

«Земное питье» не многих может научить мудрой покорности. Но есть избранные:

Я научилась просто, мудро жить,
Смотреть на небо и молиться Богу,
И долго перед вечером бродить,
Чтоб утомить ненужную тревогу.
Когда шуршат в овраге лопухи
И никнет гроздь рябины желто-красной,
Слагаю я веселые стихи
О жизни тленной, тленной и прекрасной.

В смысле формы, со стороны внешней, стихи Анны Ахматовой в этой книге являются еще более совершенным мастерством, чем в ее первом цикле стихотворений «Вечер».

Умело и остро почувствованные детали, сжатость и экономика выразительных средств, чеканная тонкость образов и определений — отличительные черты изысканно-простой и мудрой поэзии Анны Ахматовой.

